

3 А последние годы статей о песнях написано больше, чем самих песен. Это и хорошо, и плохо. Хорошо, что наша общественность, критика, газеты и журналы по достоинству оценивают роль этого жанра музыки в жизни народа. Плохо, что хороших песен мало.

Размышляя об этом, я пытаюсь понять, в чем же здесь дело? Союз композиторов СССР провел недавно в Киеве специальный пленум правления, целиком посвященный проблеме песни. Говорила о песне крупнейший мастер этого жанра Александра Николаевна Пахмутова, и я, перечитывая ее доклад, ни в чем не могу ее упрекнуть. Она нарисовала объективную картину состояния наших песенных дел, но не смогла, конечно, ответить на вопрос: почему все-таки так мал «коэффициент полезного действия» новых песен, почему на концертную эстраду, в радио- и телеконцерты попадают часто серые, неинтересные песни? Принято считать, что виноваты в этом редакторы. Их доля вины в низком качестве многих программ очевидна, но не только в редакторах дело. Мне кажется, что в значительной мере ответственность за создавшееся положение должны нести и наши критики, музыковеды, теоретики.

Конечно, критика должна быть доброжелательной, но она должна быть и нелюбопытной, и объективной. А станет она такой, только опираясь на теоретические положения, тщательно разработанные и обоснованные.

В литературе существует система теоретических основ критического анализа не только в области крупных форм, но и в области рассказа, новеллы, художественного очерка. В музыке мы имеем лишь разработанную систему анализа больших партитур и не имеем сколько-нибудь определенных критериев оценки песни как полноценного музыкального жанра.

О праве песни на свое место в истории советской музыки теперь уже никто не спорит. Но давайте посмотрим, кто же из критиков постоянно работает в этой области. Больше трех-четырех фамилий не назовешь, да и эти немногие музыковеды норовят «уйти» в крупные формы, насмехаясь на композиторов — песенников, оценки по принципу «три пишем, два замечаем». Не этим ли объясняется тот колоссальный разрыв между оценкой песни профессионалами и народом?

Не могу в этой связи не вспомнить печальной истории с песней Ивана Дзержинского «От края и до края» из его оперы «Тихий Дон». Песня эта была критиками забракована, но завоевала огромную популярность в народе. Ее пели везде, ее пели все и пели многие годы, и, сдаётся мне, что она до сих пор не потеряла своей свежести. Такая же судьба у песни Исаака Осиповича Дунаевского «Широка страна моя родная». Сегодня это классика, и никто против такого определения теперь возражать не станет. Но лет тридцать — тридцать пять назад она была зарублена на корню нашими музыковедами. Народ же не только амнистировал песню, но и дал ей путевку в долгую, яркую, почетную жизнь.

В мае 1942 года после возвращения с Калининского фронта я показывал в Комитете по делам искусств четыре песни: «Играй, мой баян», «Встреча Буденного с казаками», «Песню мщения» и «Вечер на реиде». Все они были тоже раскритикованы. А через год принесли мне Государственную премию СССР.

Я предвижу возражения моих оппонентов. Напоминаю мне, вероятно, что в до-революционное время в хор

Нижегородского оперного театра приняли по конкурсу Максима Горького и не взяли Федора Шалапина. Но в этом случае мои оппоненты поставили бы знак равенства между нашими учеными-музыковедами и до-революционным антрепренером. Я бы не рискнул на такое сравнение.

Сегодня критики ударились в другую крайность. Хвалят почти все, что появляется нового, но и это плохая помощь композитору, советскому песенному творчеству. Так создается видение, но, увы, опасное благополучие. Чем, например, можно объяснить тот факт, что в широкой дискуссии о песне, проведенной «Литературной газетой», высказались композиторы и поэты,

И снова я возвращаюсь к вопросу: почему же все-таки среди песенных новинок так много безликих и серых песен? Почему наша критика не ставит заслона этому потоку? Мне кажется потому, что мы хотим воздать «всем сестрам по серьгам», не хотим никого обидеть, думаем больше об авторах, чем о слушателях. Я хочу быть правильно понятым. Формулу «композитор — народ» нужно понимать так: композитор — народу, тогда будет и обратная связь: народ — композитору. Я тут ничего не придумываю и ничего не изобретаю. Так я понимаю то, чему учил Михаил Иванович Глинка. А если мы аранжировщики музыки, созданной народом, то давайте внима-

исполнитель, то хотелось бы знать мнение радиослушателей и телезрителей о работе каждого из ее создателей. Они будут разные, возникнут споры, и в этих спорах родится не только истина, но и более строгие критерии. Иными словами говоря, такие споры повысят эстетический уровень слушателей, и рядовой слушатель легче, а главное, лучше разберется в том, что такое хорошо, а что, быть может, плохо, но не так уж и ладно. Да и композитор, поэт, исполнитель услышат не обезличенную критику, а поймут, что, «чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться...» Конечно, каждому такому конкурсу должна предшествовать большая подготовительная работа. Она потребует от работников радио и телевидения большой ответственности и безусловной объективности.

Авторские концерты композиторов, которые транслируются из Колонного зала Дома союзов, организуются прекрасно. В них, как правило, участвует вся «обойма» лучших исполнителей эстрадной песни. Но сегодня в каждой республике есть великолепные концертные залы. Почему бы не проводить предварительные конкурсы песен и авторские концерты композиторов в столицах союзных республик, обставляя их с таким же размахом и блеском, как это делается в Колонном зале Дома союзов. А при современном уровне техники передать по Центральному телевидению авторский концерт или лучшие песни года из Баку или Вильнюса, из Ташкента или Киншасе не представляет трудности. Я так подробно об этом говорю потому, что именно телевидение и радио располагают практически неограниченными возможностями в пропаганде песни. Шалапину понадобилось бы прожить 100 жизней, чтобы встретиться с тем числом зрителей, которые смотрят, слушают только одну телевизионную передачу.

Стомиллионная аудитория ко многому обязывает. Было время, когда наш кинематограф широко пропагандировал советскую песню. Именно кинематографу мы обязаны популярностью многих песен, ставших подлинно массовыми благодаря тому, что их спели в кинофильме полюбившиеся народу исполнители. Именно кинематограф дал путевку в жизнь песням И. Дунаевского, М. Блантера, А. Новикова, Б. Мокроусова, Н. Богословского, В. Баснера, А. Петрова, М. Фрадкина и многих других композиторов. Случилось, однако, так, что кинорежиссеры вдруг, словно сговорившись, перестали обращаться к песне. Самое массовое искусство сегодня не способствует пропаганде песни. Песня в кино за-
яла.

Немало могли бы сделать для популяризации хороших песен наши музыкальные издательства. Работают они напряженно, но очень медленно. Песни выходят в свет, дождавшись своей очереди в сборнике, не раньше, чем через год-полтора после первого исполнения. Не издадут теперь песен отдельными выпусками, не печатают листовками, не выпускают песенники маленькими, карманными форматами. А ведь все это было. Получается, что ноты полюбившейся песни можно купить лишь вместе с десятком других, включенных в сборник в порядке принудительного ассортимента.

Сегодня нам нужна координация всех сил и средств органов массовой пропаганды — телевидения и радио, кино, самодеятельности, концертных организаций, фирм «Мелодия», музыкальных издательств и книжной торговли, — чтобы хорошая песня быстрее нашла дорогу к своему слушателю, который хочет не только слушать, но и петь. А песня строить и жить помогает.

ПЕСНЯ на МАРШЕ

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ,
Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской
премии, народный артист СССР

литературные критики и читатели, но не высказался ни один музыковед? Я могу это объяснить только тем прискорбным обстоятельством, что музыковеды стали пренебрегать самым массовым, самым популярным музыкальным жанром. В нашем союзе много уважаемых теоретиков, критиков, лекторов, публицистов. Если судить по ленинградским масштабам, то на каждого действующего композитора приходится едва ли не по одному музыковеду, а ведь это огромная сила, на которую мы можем и должны рассчитывать.

Я всегда утверждал, что песню делают трое: композитор, поэт и исполнитель. К большому сожалению, певцы, будучи активными и неприменными участниками наших концертов как равноправные соавторы, редко принимают участие в спорах о путях развития песни. Пассивность эта граничит с безразличием. Я что-то не припомню страстного, заинтересованного участия, а тем более выступления исполнителей в наших творческих дискуссиях. Спойет он две-три песни и уезжает, считая свой долг выполненным. А хотелось бы услышать объективную и нелюбопытную критику тех, от кого в значительной мере зависит судьба песни.

Леонид Утесов дал жизнь многим песням и в том числе «Брянской улице» Марка Фрадкина. Людмила Зыкина привлекла всеобщее внимание к его песне «Течет река Волга». Клавдия Шульженко сделала знаменитым «Синий платочек». Марк Бернес донес до слушателя мою песню «Если бы парни всей земли». И не только донес, но и был инициатором ее создания. Это он приехал ко мне с текстом Евгения Долматовского и предложил написать песню, участвовал в ее создании и сделался активным ее пропагандистом. Однако примеров такой крошечной заинтересованности немного. Думаю, что здесь и наша вина. Мы слабо привлекаем исполнителей к нашим спорам, не очень жалуем их своим вниманием. Безусловно правильно, что такие прославленные исполнители симфонического творчества, как Евгений Мравинский, Карл Элиасберг, Евгений Светланов, являющиеся членами нашего творческого союза. Но почему же не принять в нашу организацию Людмилу Зыкину или Юрия Гуляева и других талантливых солистов?

тально прислушаемся к тому, что поет и что хочет петь народ. Не будем навязывать народу свои, временами крайне субъективные и не всегда строгие по вкусу критерии, оценки.

Центральное телевидение и Всесоюзное радио делают большое и поистине неограниченное дело в области пропаганды советской песни, но и эта пропаганда не лишена недостатков. Например, проводимый Центральным телевидением конкурс на лучшую новую песню превращается зачастую в самый обычный эстрадный концерт.

Не нужно бояться суровой правды, не нужно елать. Пусть конкурс года будет не очень результативным, но он покажет истинное положение дел в нашем жанре — жанре любимом и популярном в народе. А то получается: раз есть конкурс, нужны премии, а раз есть премии, их нужно присуждать, а коль нужно, то их присуждают... В результате такой карусели ежегодно появляется много новых лауреатов и мало новых хороших песен. Необходимо предоставить народу более широкие возможности в оценке песен и в отборе лучших из них.

Думается, есть смысл изменить принцип проведения ежегодных конкурсов на лучший песню года. Быть может, целесообразно составлять их программы с таким расчетом, чтобы в первом отделении звучали только новые сочинения года, а во втором — наиболее популярные прошлых лет. Это позволит оценить удачу, как говорится, по «гамбургскому счету», не разбавляя и не подслащивая результаты прошлыми находками, и вместе с тем будет способствовать пропаганде лучших старых образцов.

Пройдет время, и станет очевидным, что отобрал и полюбил народ. Но и здесь нужно повысить критерии оценки. Я считаю, что правильнее судить о песне не только на основании слушательских писем, но открытым столкновением мнений о новых песнях на телевизионных диспутах, где раскрывались бы крайние, пусть противоречивые точки зрения. Важно, чтобы каждая сторона рассказала, почему понравилась или не понравилась песня.

Если песню делают трое — композитор, поэт и